

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- *Современная философская антропология: трансдисциплинарные и нравственно-правовые стратегии*
- *Медикализация как социокультурный феномен и предмет междисциплинарного исследования*
- *Философско-методологические аспекты формирования гендерной культуры*

УДК 001.8

Современная философская антропология: трансдисциплинарные и нравственно-правовые стратегии

Я. С. Яскевич, доктор философских наук, профессор*

Статья посвящена выявлению этических измерений и принципов трансдисциплинарной методологии в сфере современной философской антропологии, специфики постнеклассической рациональности.

Modern Philosophical Anthropology: Transdisciplinary and Moral and Legal Strategies

Y. S. Yaskevich, PhD in Philosophy, Professor

Article is devoted to revealing of ethical measurements and principles of trans-disciplinary methodology in sphere of modern philosophical anthropology, specificity of postnonclassical rationality.

Трансдисциплинарная методология, несмотря на открытый проект в своем собственном самоопределении, поиске статуса и основополагающих принципов, задает сегодня ориентиры современной философской антропологии, включающей в свое проблемное пространство биологические, медицинские и генетические исследования, идеалы толерантности и соучастия, автономности и согласия, гуманистические и ценностные регулятивы в исследовании человеческой природы и жизни. Зафиксируем ценностно-антропологические повороты современной философской антропологии на пути к формированию целостной междисциплинарной стратегии.

Постнеклассическая рациональность: гуманистический поворот

В XX—XXI столетии значительно усилился обмен парадигмальными установками между различными естественнонаучными дисциплинами и социально-гуманитарными науками, что приводит к изменению видения предмета конкретной науки, развитию ее понятий, к формированию

общенаучных принципов и концептуальных средств, усилению тенденций к интеграции научного знания [1]. Такие процессы особенно характерны для современной философской антропологии, которая пытается осмыслить этические проблемы, возникающие в результате динамичного развития биологии и медицины, в сфере биомедицинских технологий. В ее рамках, существенно изменяя наши знания о живой природе, о жизни в целом, ее границах и возможностях, *биоэтика, медицина и биология сегодня выполняют функции лидеров научного познания*, обосновывая новую систему ценностей и идеалов и демонстрируя аксиологическую недостаточность таких институциональных принципов «этоса науки», как принцип универсализма, коллективизма, бескорыстности и организованного скептицизма (Р. Мертон).

Постнеклассический этап развития философской антропологии отличается не просто интеграцией научных подходов, а требует методологически акцентированных трансдисциплинарных связей, обобщающей роли философско-методологического знания, необходимости развития практико-ориентированной прикладной философии как организационной и систематизированной формы научной рефлексии, с одной стороны, и глубин-

*Директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета.

ной этической регуляции, с другой стороны. *Трансдисциплинарность* как фундаментально-интегративный и системно-комплексный принцип, несомненно, сохраняет необходимость использования дисциплинарного знания (биологического, медицинского, генетики и т. д.) и вместе с тем расширяет рамки дисциплинарной науки, ориентирует исследователя на выход в реальную повседневную практику при изучении экзистенциальных проблем человеческого бытия.

Наряду с междисциплинарными стратегиями одно из центральных мест в постнеклассической науке занимает *синергетическая методология*, определяя практику моделирования саморазвивающихся систем. Трансдисциплинарный характер синергетики, популярность и универсальность обеспечивают ее востребованность как в развитых теоретических науках, так и в науках о человеке. При этом синергетика может рассматриваться в трех измерениях: как картина мира, как методология и как наука. В рамках картины мира синергетика и ее понятия предстают, как правило, в наглядном, популярном, метафорическом виде, с использованием аналогий, апелляцией к здравому смыслу и обыденному языку, обеспечивая тем самым «радость встречи с новым взглядом на мир окружающих нас вещей и событий». Такая «метафорическая синергетика», по выражению В. Г. Буданова, имеет как позитивную, так и негативную тенденцию. Использование псевдосинергетических ассоциаций и метафор, вольное толкование синергетики представляют некоторую опасность для развития синергетики как науки, создавая «зашумление» синергетического пространства и междисциплинарной коммуникации. В то же время «мода на синергетику» как культурный феномен узнавания и понимания ее постулатов создает надежную основу для формирования целостной и системной парадигмы в интерпретации современного мира и потребности в междисциплинарных стратегиях. В контексте современного антропологического поворота и изучения человекомерных систем синергетика сегодня формирует *синергетическую методологию* как особый метауровень культуры, методологию междисциплинарной коммуникации и моделирования реальности [2].

Методология междисциплинарных исследований, по Ласло [3], — это горизонтальная, трансдисциплинарная связь реальности, ассоциативная, с метафизическими переносами, символическими мотивами, несущими колоссальный эвристический заряд, в отличие от вертикальной причинно-следственной связи дисциплинарной методологии. Если *дисциплинарный подход* преимущественно

решает конкретную задачу, возникшую в историческом контексте развития предмета, ориентируясь на устоявшиеся методы, инструментарий и причинно-следственные связи, то междисциплинарный подход основывается на холистическом способе структурирования реальности, полиморфизме языков и аналогии. *Синергетика как наука* о развивающихся системах рождается и развивается на пересечении и при конструктивном взаимодействии предметного знания, математики и философии. Синергетика пытается синтезировать предыдущие подходы на базе современной культуры междисциплинарного и математического моделирования, фундаментальных открытий в области универсалистских динамических теорий (теорий катастроф, динамического хаоса, самоорганизации), компьютерного эксперимента, эволюционной эпистемологии, теорий искусственного интеллекта, интегральной психологии и медицины, тем самым выполняя свое предназначение синергетического синтеза и синергетической парадигмы [2]. Синергетическая методология чрезвычайно важна для разработки оснований философской антропологии, методологии этического обеспечения инновационного развития биологии и медицины, включающей механизмы системной гуманитарной оценки антропологических последствий инновационных проектов.

Обогащенный синергетическим стилем мышления постнеклассический тип рациональности учитывает соотнесенность знания об объекте не только средствами, но и с ценностно-целевыми структурами, в результате чего поиск научной истины соотносится как с внутринаучными, так и с социальными ценностями и целеполаганием [4, с. 17]. Через методологический дискурс наблюдается мощный поворот современной науки в сторону жизненного, повседневного мира, сохраняя преемственность с классическими традициями и классической рациональностью. Парадоксальный диалог и встреча дисциплинарного знания и жизненно реальной практики в сфере биологии, медицины и биоэтики обеспечивают динамику и творческий поиск трансдисциплинарного исследования. Такие гуманистические принципы вместе с высшими моральными ценностями биоэтики — «добро», «сострадание», «моральная ответственность», «долг», «совесть», «достоинство», «милосердие» мощно внедряются в современную трансдисциплинарно-синергетическую методологию современной философской антропологии, определяя тем самым ее концептуально-теоретическое ядро и обеспечивая радикальный поворот к нравственно-аксиологическим измерениям.

Актуализация общественной морали и социальной ответственности ученых

В современной культуре возникает потребность в институционализации общественной морали, появляются новые институты морали — этические комитеты по этике и биоэтике, комиссии по экологии, комиссии по этической оценке и экспертизе научных проектов, советы по корпоративной и профессиональной этике и т. д. «Проблема институтов как фактора действенности морали с особенной остротой, — замечает Р. Г. Апресян, — проявилась в связи с обсуждением более специального вопроса о функционировании корпоративных и профессиональных моральных комплексов, в том числе кодифицированных» [5]. В рамках новой общественной морали формируются *дискурсивные этики*, позволяющие в отличие от универсалистской этики членам сообщества включаться в обсуждение с целью защиты своих интересов, поддержания своей идентичности и партнерского взаимодействия. В социальной этике весьма важно отношение общества к личности, к членам сообщества, к институтам власти.

Такого рода гуманистические процессы дают импульс развитию не только философской антропологии, но и гражданского общества как самоорганизующейся и саморазвивающейся системы, задающей определенные идеалы общественного развития. Оно функционирует и развивается гораздо успешнее, когда для этого создаются благоприятные внутренние и внешние условия. В значительной мере их создает само общество через государство, а нередко — вопреки ему. Институционализация гражданского общества и общественной морали, характерная для современных демократических обществ, сопровождается активной наработкой нравственных регулятивов в самых разных областях, формированием корпоративных и профессиональных моральных принципов регулирования поведения отдельных субъектов, задающих нравственную матрицу и шкалу ценностей правового, социально ориентированного государства. *Стандарты общественной морали, формирующиеся и реализующиеся посредством деятельности различных социальных институтов, выступают в результате этого стабилизирующим началом глобализирующегося мира.*

Современная философская антропология с необходимостью учитывает то, что общественная мораль в своей исторической динамике и взаимодействии с различными феноменами культуры обогащается ценностными и нравственными регулятивами, кристаллизуя образцы и стратегии моральных стандартов социального действия и принятия решений в различных сообществах. В совре-

менных условиях классическое понимание науки, ориентированной лишь на познание и направленной на объяснение, дополняется *новой оценкой функционирования науки и научного потенциала*, вследствие чего даже фундаментальные исследования должны быть релевантными и подчиненными общественным интересам, а производство научных знаний должно непосредственно интегрироваться в процессы принятия экономических и политических решений. Значимость науки для экономики (инновации) и для политики (в качестве поставщика тем, проблем и знаний, необходимых для принятия решений), таким образом, возрастает. Инновационная политика становится одной из важнейших составных частей научно-технической и социально-экономической политики.

Современное общество, которое не может существовать без нововведений, должно их стимулировать, а государственная инновационная политика — ориентироваться на принятие решений о поддержке или неподдержке конкретных инновационных проектов, учитывая при этом гуманистическую их экспертизу и междисциплинарные стратегии. Так, *нанотехнология* как приоритетное трансдисциплинарное направление современности объединяет ведущих ученых самых различных областей — физиков, химиков, биологов, фармакологов. Однако в методологическом ракурсе сегодня это инновационное направление требует глубокой гуманистической экспертизы и синергетического «проигрывания» различных сценариев и последствий их использования, интегрирования порой трудно согласующихся между собой экономических, политических, экологических, социокультурных, технических, социально-психологических и этических аспектов, проектирования и диалога науки, техники, политики, этики, гражданского общества [1].

Системная трансформация современного общества детерминирует переосмысление содержательного статуса философской антропологии, самосознания и нравственности отдельного человека, структуры и статуса коллективных субъектов, соотношения индивидуального и коллективного субъектов нравственных отношений в сфере науки, политики, права, экономики и культуры.

Несомненно, нравственный или безнравственный, а точнее, гуманный или антигуманный характер может, скорее всего, иметь не сама научная деятельность, а *последствия применения научных открытий*. «При изучении человекообразных систем исследователю приходится решать ряд проблем этического характера, определяя границы возможного вмешательства. Внутренняя этика науки, стимулирующая поиск

истины и ориентацию на приращение нового знания, постоянно соотносится в этих условиях с общегуманистическими принципами и ценностями» [6, с. 285—286]. И хотя ученый иногда не в силах предугадать эти последствия, это отнюдь не снимает с него моральной ответственности и перед обществом за свое открытие. *Проблема ответственности ученого перед обществом за результаты научных исследований, за их использование на благо или во вред человеку является одним из наиболее показательных моментов взаимосвязи современной философской антропологии, генетики, биомедицины и морали.* Долг ученого заключается в том, чтобы информировать общественное мнение как о благах, которые принесет внедрение его открытия, так и об опасностях, которые могут возникнуть при злоупотреблении им.

Биомедицинские и генетические исследования в философской антропологии

В современных исследованиях философской антропологии при всех взаимопереплетениях социальных, биомедицинских и философско-методологических детерминант ведущую роль начинают играть биологические, генетические подходы, биотехнологии, в результате чего происходят радикальные модификации в интерпретации его телесного и психического существования. Мощно заявивший о себе технологический подход при этом проявляется не только в плане возможной реализации генетического проекта, конструирования человека посредством вмешательства на молекулярно-генетическом уровне, но и в актуализации социального проекта благодаря психологическому воздействию, эффективным технологиям индоктринации, формированию стереотипов восприятия и социального поведения [7, с. 20]. Необходимо обращать внимание и на своего рода *меру антропоцентристского подхода в философской антропологии*, ибо гипертрофированные принципы научно-исследовательского либерализма с ярко выраженными установками рационализма и эгоизма, индивидуальными потребностями, попытками конструирования человека по определенному замыслу *оборачиваются атомизацией общества, отрывом современного человека от целей общества, забвением идеалов уникальности, самобытности каждого индивида, его ценностей и предназначения.*

Обостренный интерес к проблеме человека, несомненно, связан с тем переломным моментом истории, который переживает современное человечество, поскольку человек является точкой пересечения самых разнообразных проекций бытия — и природного, и социального, и культурного, и информационно-виртуального, вбирая

в себя и высвечивая в новом ракурсе различные измерения нашей природной, социальной и духовной жизни [8, с. 35]. Особое внимание привлекает сегодня генетика человека, в частности то, что связано с изучением его генома, нейронаука (neuroscience), изучающая мозг как основу человеческого поведения, различные биомедицинские науки, способные вызвать глубокие и радикальные изменения в человеке посредством воздействия на него.

Биотехнологическая революция, происходящая в современных биомедицинских науках, их достижения и строящиеся прогнозы, как отмечает Ф. Фукуяма, означают не просто нарушение или ускорение размеренного хода событий, а приводят к тому, что будущее человечества вовсе не является predetermined, оно оказывается открытым, в решающей мере зависящим от наших нынешних решений и действий. В результате открытий и достижений в молекулярной биологии, когнитивных науках о нейронных структурах мозга, популяционной генетике, генетике поведения, эволюционной биологии и нейрофармакологии открываются беспрецедентные возможности изменения природы человека. В таком ракурсе философия человека, обогащенная биоэтическими открытыми проблемами, приобретает практический характер, обеспечивая актуализацию фундаментальных философских представлений о сущности человека, познавательных способностях современной науки в исследовании человека, обосновании прогнозных альтернатив футурологического существования человека и человечества в их обращенности к реальной жизни [9, с. 52—54].

В результате происходит переосмысление и принципов классической европейской этики с ее утверждением самодоверности существования человека, бинарными оппозициями «добро — зло», «должное — сущее», «хорошо — плохо» и т. п. Универсальные принципы и аксиологические критерии, линейные координаты и измерения, императивные правила и требования перестают определять характер принимаемых в современной биоэтике и медицине решений, требуя радикальной плюральности, нелинейной и гибкой аргументации, альтернативных подходов, учета конкретных практик жизненного мира и синергетической необратимости исходного морального выбора в биомедицинских исследованиях. Современная модель биомедицинской этики не абсолютизирует приоритеты врача, биолога или генетика, а ориентируется на *согласованность* и *сотрудничество* в обосновании прав и обязанностей обеих сторон, исходит из таких фундаментальных демократических ценностей, как *солидарность*, *соуча-*

стие, сострадание, коммунистические интересы (Б. Дженнингс). Новая — автономная модель исходит из принципа автономии пациента. Получение информации становится правом пациента знать обо всех существующих способах лечения его заболевания и о риске, связанном с каждым из них. При этом право выбора и ответственность уже не сосредотачиваются всецело в руках врача, а распределяются между ним и пациентом [10, с. 32—37].

Безопасность генно-инженерной деятельности

При разработке модели государственного регулирования безопасности генно-инженерной деятельности к ней предъявляются *следующие требования*.

Во-первых, она должна обеспечить безопасность человека и окружающей среды при осуществлении генно-инженерной деятельности и использовании ее результатов, одновременно создавая благоприятные условия для развития генетической инженерии как одного из приоритетных научных направлений.

Во-вторых, при формировании системы биобезопасности государство должно избегать существенного изменения действующего законодательства, создания новых государственных структур, которые лягут дополнительным бременем на республиканский бюджет и рядового налогоплательщика. Надо использовать уже существующие структуры, наделив их, если в этом есть необходимость, соответствующими полномочиями.

В-третьих, в новом законодательстве в области биобезопасности важно использовать нормы и процедуры, которые можно выполнить с минимальными затратами ресурсов и средств. Сами процедуры должны быть простыми и понятными для граждан.

В-четвертых, общество имеет право получать полную и достоверную информацию о результатах генно-инженерной деятельности и осуществлять общественный контроль. Поэтому в создаваемой системе биобезопасности должен быть предусмотрен механизм информирования и участия общественности в принятии решений в этой области [11, с. 136].

В контексте биоэтического дискурса актуализируются нравственные и правовые проблемы биобезопасности, обоснования механизмов безопасности как системы мер «по обеспечению безопасного создания, использования и трансграничного перемещения живых измененных организмов, являющихся результатом биотехнологии» [12].

Среди потенциальных рисков для здоровья человека, связанных с использованием генно-инженерных биотехнологий, рассматривается, например, изменение активности отдельных генов живых организмов под влиянием вставки чужеродной ДНК, в результате которого может произойти ухудшение

потребительских свойств продуктов питания, получаемых из этих организмов. В продуктах питания, полученных из генно-инженерных организмов, может быть повышенный по сравнению с реципиентными организмами уровень каких-либо токсичных, аллергенных веществ, который превышает установленные пределы безопасности. Опасения экологов вызывает высвобождение в окружающую среду трансгенных организмов, прежде всего сельскохозяйственных растений и животных, в геном которых привнесены чужеродные, не характерные для них гены микроорганизмов, вирусов, что может приводить к изменению естественных биоценозов в результате переноса трансгенов диким видам, появлению новых, более агрессивных патогенов, сорняков, поражению организмов, не являющихся мишенями трансгенных признаков, и др. К настоящему времени разработана эффективная система оценки безопасности генетически измененных организмов (ГИО) для здоровья человека и окружающей среды. Она содержит целый ряд подходов и методов, применяемых начиная с этапа планирования предполагаемой генетической модификации и заканчивая получением свидетельства о государственной регистрации трансгенного сорта, дающего право использовать ГИО в хозяйственной деятельности. В большинстве развитых стран мира принято и эффективно функционирует специальное законодательство, касающееся биобезопасности, а также созданы соответствующие компетентные органы, которые претворяют его в жизнь [11, с. 156].

Большинство из предложений по совершенствованию системы биобезопасности были разработаны и закреплены в Законе Республики Беларусь «О безопасности генно-инженерной деятельности» [13], в котором впервые раскрыто содержание важнейших понятий в области генно-инженерной деятельности, имеющих значение для правильного формирования и развития нормативно-правовой базы в этой области отношений. В законе однозначно закреплено, что его положения не распространяются на отношения, связанные с применением методов генетической инженерии к человеку, его органам и тканям, а также обращением с фармацевтическими препаратами, продовольственным сырьем и пищевыми продуктами, кормами для животных, полученными из генно-инженерных организмов или их компонентов. Они регулируются специальным законодательством о здравоохранении.

Этические проблемы генетических исследований регулируются *Всеобщей декларацией о геноме человека и правах человека*, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО (1997). Достоинство этого документа — в сбалансированности между гарантиями соблюдения прав человека и необхо-

димостью обеспечения свободы исследований. Кроме того, Декларация сопровождается резолюцией о ее осуществлении, в которой государства-члены обязуются принять соответствующие меры содействия реализации провозглашенных в ней принципов. В *Декларации о геноме человека* записано: «Цель прикладного использования результатов научных исследований по геному человека, в том числе в области биологии, генетики и медицины, должна заключаться в уменьшении страданий людей и в улучшении состояния здоровья отдельного человека и всех людей».

Одним из наиболее проблематичных в этическом отношении является такое направление, как *клонирование*. Многие ученые с энтузиазмом восприняли идею клонирования человека. В то же время в ст. 11 *Декларации о геноме человека* говорится, что не следует допускать практику, противоречащую достоинству человека, в частности практику клонирования в целях воспроизводства человеческой особи. Совет Европы в дополнении к *Европейской конвенции о правах человека и биомедицине* также подчеркнул: «Запретить всякое вмешательство, преследующее цель создать человеческую особь, идентичную другой — живой или мертвой».

Синергетическая методология в исследовании психики человека

Нравственные и правовые проблемы возникают сегодня в философской антропологии и в связи с глобальными *достижениями психиатрии, нейрохирургии и нейробиологии, благодаря проникновению науки в глубь психики и структуры сознания личности, в связи с возможностью вмешиваться в эту структуру и влиять на нее с помощью современных био-, фарм- и психотехнологий*.

Радикальные повороты постнеклассической науки, связанные с включением в ее арсенал идей глобального эволюционизма, синергетических принципов нелинейности, открытости, многовариантности, этических и аксиологических аргументов, оказали сильнейшее влияние на теоретико-методологические исследования в области психики человека. Постнеклассический этап в развитии философии и методологии науки в целом, в том числе в естествознании, психологии, медицине и других науках, наступивший в последней трети XX в., ознаменовался завершением методологического кризиса и осмыслением последствий революционных открытий в науке, повлекших за собой введение в философско-методологический дискурс инновационных подходов и концептов.

Философско-методологический анализ научных представлений о психике человека, постнеклассические методологические установки «вы-

светили» роль самоорганизующихся структур психической системы (среды), позволив к 90-м гг. XX в. *исследовать психику как синергетический объект*, гиперсистему синергетического порядка с совокупностью фазовых состояний различных видов самоорганизующихся процессов. В основу исследования психики в синергетическом ракурсе были положены принципы сложности, системности и самоорганизации, а целостность психики выступила в системном описании множества ее измерений — информационных и энергетических, индивидуального прижизненного и трансличного коллективного бытия и становления, субстратных и процессуальных, соотносимых с уровнями живого, неживого и виртуального [14, с. 470].

Синергетическая модель психики радикально расширяет горизонты исследования тайн человеческой психики, взрывает традиционные интерпретации психики через призму «функционального сознания, «деятельностного подхода» (в рамках которого порой нивелируется специфика психической деятельности), выводит философско-методологическую рефлексию на решение не только чисто теоретических проблем исследования феномена психики, но и в область практической философии и методологии науки. Речь идет о решении проблемы социальной и интеллектуальной адаптации человека в быстро меняющемся мире, сохранении духовного баланса в мире социальных конфликтов, необходимости разработки принципов самоорганизации системы психической реальности. В контексте ноосферного мышления, принципа универсального эволюционизма, системно-синергетического и человекоразмерного подходов современной науки психика рассматривается и с позиций организменно прижизненного уровня (уровня живого), соотносимого с периодом жизни человека-индивида, его социальной реализацией, функционированием его мозга и/или нервной системы, системы психической реальности, и с позиций надорганизменного уровня, когда мораль, нравственность, культура, оказывающие влияние на психику человека, выступают как результаты надорганизменной эволюции, как процессы развития сложных систем (И. В. Ершова-Бабенко). В этом контексте понятен и предмет новой научной дисциплины — психосинергетики, в качестве которого выступает круг психомерных сред как открытых нелинейных самоорганизующихся систем, в формировании и существовании которых значимым фактором становится психика человека, ее состояние и структура, определяемые возрастом и скоростью составляющих ее субъединиц разного уровня, их отношениями, связями

и др. Психомерная система, далекая от равновесия, теряет свою устойчивость, может переходить к одному из многих возможных состояний, причем никак не связываемых с логикой наличной ситуации «здесь и теперь», а порой такой переход психомерной системы к соответствующему состоянию, хранящемуся в памяти, может осуществиться и в очень отдаленном во времени, пространстве и фазе истории периоде существования данной психомерной системы, в отличие от других сложных систем. Когда психомерная система находится в крайне неравновесном состоянии, ее «судьбу» и «разрешимость» могут определять очень малые события (флуктуации), на которые обычно, т. е. в устойчивом состоянии, состоянии равновесия, эта система не реагирует. Следует иметь в виду, что крайне неравновесное состояние играет важнейшую роль в поведении психомерных сред [14, с. 460—490].

Синергетическая методология сегодня во многом определяет осмысление статуса и перспектив развития современной психиатрии. Отказ от жестких средств обоснования научного знания, учет различных действующих на систему параметров и обращение к концепциям случайных, вероятностных процессов демонстрируют на современном этапе многие медицинские дисциплины. Кризис советской клинической психиатрии, как отмечают некоторые исследователи, во многом объясняется «пристрастием» к линейному принципу, согласно которому каждая (психическая) болезнь должна включать единые причины, проявления, течение, исход и анатомические изменения (т. е. одна причина дает одинаковый эффект). Такая «жесткость» в формулировке тезиса (постановке клинического диагноза), как свидетельствует современная медицина, ничем не оправдана, ибо нельзя не учитывать тот фактор, что как неповторимы физические и духовные свойства отдельных индивидов, так индивидуальны проявления и течение болезни у отдельных больных.

Отход от однолинейности и жесткости, обращение к теориям случайных процессов, диссипативных структур, ориентация на личностно-моральные ориентиры приведут, как считают некоторые специалисты, к обновлению психиатрии, ибо понятие болезни будет вероятностным, а ее возникновение в ряде случаев — принципиально непредсказуемым. В психиатрии появится свобода воли в ее термодинамическом выражении, что повлечет за собой и изменение суждения о «норме» и болезни, размывание «границы» между нормой и болезнью широким спектром адаптационных реакций, а суждение о «нормальном» будет изменяться вместе с обществом и в зависимости от модели медицины.

Осознание чрезвычайной сложности и целостности объекта исследования ставит современную психиатрию перед необходимостью включения в ее аргументационную систему описаний различного уровня (биохимического, поведенческого, социального), подобно принципу дополнительности Н. Бора, гибкости и многовариантности в постановке диагноза болезни, ориентации на конкретного человека во имя фундаментального принципа медицины — «лечить не болезнь, а больного» и избежания этических «перекосов» (гипердиагностики и, наоборот, презумпции болезни и т. п.).

Синергетический и экзистенциальный характер биомедицинских проблем требует учета в их решении этических ценностей и моральных норм, вносящих дополнительное измерение в истинность и достоверность исследования, ибо жизнь, жизненное, соотношенное с конкретным носителем этого качества, — это не только выживание, но и проживание и переживание, указывающие на различные и наиболее очевидные модусы состояния жизни. Отсюда введенные исследователями концепты «биологос», «биорациональность», которые выступают как средства представления того, что вкладывается в понимание жизненного, жизни, когда *жизнь «сама по себе», присутствующая в биологии (био-) как некая непредставимая предпосылка, как выживание, дополняется новым качеством при ее соотношенности с конкретным носителем жизни в ее различных модусах и состояниях, проживаниях и переживаниях.* Многомерность и неоднозначность трактовки жизни (биологоса) обусловлены не только ее особым неповторимым индивидуальным опытом, но и спецификой применяемых теоретико-методологических средств, включающих в себя теоретические реконструкции в конкретно-дисциплинарном ракурсе, дополненные историческим описанием необратимо случившегося и морально-нравственными регулятивами и оценками биомедицинского эксперимента и опыта [15, с. 30—32].

Увеличение возможностей вмешательства в заданные природой условия и границы человеческой жизни, укоренение в реальной медицинской практике реанимации и поддержки человеческой жизни, искусственной беременности, трансплантации органов и тканей человека, медиализация образа современной жизни высвечивают перед медиками, пациентами, их родственниками ранее не существовавшие проблемы, касающиеся как подлинного блага больного, т. е. этики, так и справедливого, должного отношения к другому. Формирующаяся при этом партнерская модель отношений врача и пациента

предполагает наличие механизмов социального консенсуса, публичных институтов выработки адекватных решений посредством этических комиссий, комитетов, формирования рациональных принципов биомедицинской этики, ее институционализации [16, с. 88].

Либерализация правового регулирования биомедицинских исследований

Биоэтический дискурс взаимодействует и с либеральной идеологией, включая в себя такие ее ценности, как автономия личности, свобода выбора, информированное согласие. На уровне же правового сознания в результате таких трансформаций осуществляется либерализация юридических норм, о чем свидетельствует, например, принятие новой редакции Закона Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» (принят 9 января 2007 г.), где по сравнению с ранее действовавшим законом (от 4 марта 1997 г.) сформулированы следующие уточнения: даны определения отсутствовавших ранее терминов (забор органов и (или) тканей человека, живой донор, трупный донор, смерть); внесено положение о приоритете Конституции Республики Беларусь; уточнены аспекты международного сотрудничества; более четко определены условия и порядок выполнения трансплантации органов и тканей; в соответствии с действующим законодательством определены организации, занимающиеся трансплантацией органов и тканей; установлены ранее отсутствовавшие четкие ограничения, связанные с забором органов для трансплантации у живого донора; уточнены условия забора органов для трансплантации; определены права и обязанности живого донора; внесены значительные изменения в статью 11 об условиях забора органов у трупного донора, исключая неопределенное толкование отдельных положений статьи и основополагающего принципа презумпции согласия; уточнены положения о согласии реципиента на трансплантацию; определена ответственность за нарушение законодательства Республики Беларусь о трансплантологии.

Легализация эвтаназии в ряде стран также свидетельствует о либерализации юридических норм под воздействием происходящих в современной медицине и культуре процессов [17, с. 95—96]. Взаимопроникновение философских, медицинских, правовых и этических подходов осуществляется в процессе диалога и полемики, при учете социокультурных, религиозных и других факторов, влияющих на принятие решений в конкретных ситуациях, не претендуя на статус универсальных общеобязательных норм, что и специфицирует

становление биоэтики как междисциплинарной науки.

Фундаментальные тенденции развития методологии, теории и методики биомедицинских исследований с участием человека, их институционализация, поиск механизмов внедрения качественной этической практики, а также путей сотрудничества Комитетов по этике с регуляторными органами, исследователями, спонсорами и пациентами при проведении биомедицинских исследований являются чрезвычайно актуальными для Республики Беларусь. Среди них выделяются *этико-правовые параметры, теоретико-методологические основания и деонтологические аспекты* [18, с. 463].

Государственную политику в области охраны здоровья населения, правовые, экономические и этические основы проведения клинических, медико-биологических и генетических исследований на человеке, а также права и обязанности пациента определяет прежде всего *Закон Республики Беларусь о здравоохранении*. Согласно ст. 31, клинические и методико-биологические исследования на человеке могут проводиться с лечебной целью в государственных организациях здравоохранения при подтверждении их научной обоснованности только с письменного добровольного согласия лица, подвергаемого исследованию, ознакомленного с их целями, продолжительностью, ожидаемыми результатами и возможными последствиями для его здоровья. Таким образом, в данном Законе юридически закреплена современная *модель автономии пациента*, базирующаяся на *принципе информированного согласия*.

Созданные в Республике Беларусь при лечебно-профилактических учреждениях и медицинских университетах Комитеты по этике, а также Национальный комитет по биоэтике (апрель 2006 г.) руководствуются при проведении биомедицинских и генетических исследований вышеуказанными нормами, а также нормами международного права, в частности, *Хельсинкской Декларацией* (1964), *Женевской* (1993), *Лиссабонской* (1981) и др.

Таким образом, в современной философской антропологии благодаря ее взаимообогащению биомедицинскими, генетическими и нравственно-правовыми ракурсами исследования человека осуществляются аксиологические повороты, происходит реальный диалог современного социально-гуманитарного, философского и естественнонаучного знания, направленный на включение в арсенал науки о человеке идеалов гуманизма, нравственности, справедливости, принципов междисциплинарной синергетической методологии.

Список цитированных источников

1. См. подробнее: *Степин, В. С.* Философия науки. Общие проблемы / В. С. Степин. — М., 2006; *Горохов, В. Г.* Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика / В. Г. Горохов // *Вопр. философии.* — 2006. — № 4. — С. 80—96.
2. См. подробнее: *Буданов, В. Г.* Синергетическая методология / В. Г. Буданов // *Вопр. философии.* — 2006. — № 5. — С. 79—94; *Аршинов, В. Н.* Синергетика как инструмент формирования новой картины мира / В. Н. Аршинов, В. Г. Буданов // *Человек, наука, цивилизация: к 70-летию акад. В. С. Степина* / отв. ред. И. Т. Касавин. — М., 2004. — С. 428—463; *Буданов, В. Г.* Синергетика коммуникативных сценариев / В. Г. Буданов // *Синергетическая парадигма: когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания* / отв. ред. Л. П. Киященко, П. Д. Тищенко. — М., 2004. — С. 444—461; *Буданов, В. Г.* Методология синергетики в постнеклассической науке: принципы и перспективы / В. Г. Буданов // *Постнеклассика: философия, наука, культура* / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. — СПб., 2009. — С. 361—396.
3. *Ласло, Э.* Основания трансдисциплинарной единой теории / Э. Ласло; пер. Ю. А. Данилова // *Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов.* — М., 2000. — С. 326—333.
4. *Степин, В. С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В. С. Степин // *Вопр. философии.* — 1989. — № 10.
5. *Апресян, Р. Г.* Понятие общественной морали (опыт концептуализации) / Р. Г. Апресян // *Вопр. философии.* — 2006. — № 5. — С. 14.
6. *Степин, В. С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения. Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. — СПб., 2009.
7. *Юдин, Б. Г.* Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) / Б. Г. Юдин // *Биоэтика и гуманитарная экспертиза: проблемы геномики, психологии и виртуалистики.* — М., 2008.
8. *Яскевич, Я. С.* Время кризиса — время надежды и диалога / Я. С. Яскевич. — Минск, 2011.
9. *Йонас, Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас. — М., 2004.
10. *Основы биоэтики: учеб. пособие* / Я. С. Яскевич [и др.]; под ред. Я. С. Яскевич, С. Д. Денисова. — Минск, 2009.
11. *Биотехнология. Биобезопасность. Биоэтика* / под ред. А. П. Ермишина. — Минск, 2005.
12. *Международная конференция о сохранении биологического разнообразия (Рио-де-Жанейро, 05.06.1992 г.)* // *Экоинформ.* — 1995. — № 8. — С. 32.
13. *О безопасности генно-инженерной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2006 г.* // *Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.* — 2006. — № 9. — 2/1193.
14. *Ершова-Бабенко, И. В.* Место психосинергетики в постнеклассике / И. В. Ершова-Бабенко // *Постнеклассика: философия, наука, культура* / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. — СПб., 2009.
15. *Киященко, Л. П.* Биологос: динамика хронотопа / Л. П. Киященко // *Филос. науки.* — 2009. — № 1.
16. *Шеманов, А. Ю.* Медикализация жизни и генезис этического сознания / А. Ю. Шеманов // *Филос. науки.* — 2009. — № 1.
17. *Гребенщикова, Е. Г.* Биоэтика — вариант «постэтики» / Е. Г. Гребенщикова // *Филос. науки.* — 2009. — № 1.
18. *Яскевич, Я. С.* Философия и методология науки / Я. С. Яскевич — Минск, 2007.

Дата поступления в редакцию: 08.12.2011 г.